

**Война закончилась война,
Пришел к нам новый век,
Но то, что сделала она,
Нет, не забудет человек.**

**Давно закончилась война,
Стареют ветераны...
Под мирным небом вся страна,
Но ноют ее раны.**

**Мой дедушка солдатом был,
Он воевал и был в плену,
Он ничего не позабыл,
Он помнит ту войну.**

Я слушал дедушку и думал:
«Как же надо жить, бороться,
страдать и верить, чтобы в книге
«Память» заслужить отдельную
строку: «Кавалеу Иван Микитавич,
н.у 1919»

На вопрос корреспондента
телевидения: «За кого бы
Вы хотели выпить в этот светлый
день?» дедушка ответил не сразу.
В памяти всплывали десятки
имен, лиц... Одни приходили из
его босяцкого детства, другие
из юности, опаленной войной и
убитой в плену, послевоенного
лихолетья, мирных счастливых
дней...

Вспомнились родные и близкие,
товарищи по школе, братья
по оружию, комиссар полка и генерал
Павлов, поивший своего
коня у колодца, из которого дедушка
брал воду для участников
последних предвоенных маневров...

Господи, как же давно это
было!..

Грустинка на лице дедушки
посветлела, весь он выпрямился,
голубые глаза стали ясными, как
небо. «Я хочу выпить за всех, кто
остался лежать в земле родной и
на чужбине. Кто сражался и умирал,
кто принял нечеловеческие
муки в концлагерях и гестапо...

За всех павших и выживших: и
пусть простят меня товарищи за
то, что выжил, за судьбу, подарившую
жизнь обреченному на
смерть».

Дедушка встал. Рука, сжимавшая
граненую рюмку, дрожала...
Дрожал голос, дрожали губы.
Крупная одинокая слеза медленно
катилась по щеке... Водарила
тишина. И я понял, что это была
необъявленная минута молчания
в память о жертвах той
страшной войны.

Потом дедушка попросил не
снимать его: «Я не освобождал
ни Хотимск, ни Могилев, ни
Минск. Я не герой - я был в плену».

Казалось, в горле у меня застрял
ком. От волнения я не мог
говорить, но именно в эту минуту
понял, почему мой дедушка,
ветеран Отечественной, участник
праздников Победы, не рассказывал
мне о войне. А я, глупый,
приставал к нему с вопросами о
том, сколько немцев он убил,
видел ли Гитлера, страшно ли на
поле боя.

оком поэт Николай Майоров ска-
зал:

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете как миф
О людях, что ушли недолюбив,
Не докурив последней папиросы.*

Молодой, высокий, красивый и
сильный, он в 20 лет стал
солдатом. Отличника боевой и по-
литической подготовки, меткого
стрелка, его вместе с другими бой-
цами должны были отправить на
финскую войну. «В Костроме нам
выдали полушубки и валенки. 12
марта уже грузили боеприпасы в
вагоны, когда сообщили о заключе-
нии мира с Финляндией. Потом был
Ленинградский округ, кампания по
воссоединению Эстонии и Советско-
го Союза, Белорусский особый
военный округ. Знаешь, что такое
тачанка? Я был пулеметчиком на
ней... Понимал ли я, что скоро вой-
на? В Молодечно гражданское на-
селение много говорило об этом, но
командование убеждало, что все

где соединились остатки нашего
7-го пехотного полка 24 дивизии.
Ты представляешь, что такое идти
в бой с голыми руками?»

И тут я вспомнил эпизоды из по-
вести Константина Воробьева
«Убиты под Москвой», когда кур-
санты отступали, потому что не
могли остановить немецкие танки.
Нечем было. И столько молодых
ребят полегло...

Значит, в этой книге горькая
правда о войне и о моем дедушке
тоже.

«Было это ночью. Мы, все те же
двенадцать человек, шли по кар-
тофельному полю. Шли прямо на
немцев. Они чуть не расстреляли
нас в упор. Приказали лечь на зем-
лю... Утром погрузили в машины и
отправили в Дзержинск в лагерь
для военнопленных. Там, на тер-
ритории лесопильного комбината,
за колючей проволокой, под от-
крытым небом было более трех
тысяч человек. Старались не смот-

ны были без имен. Мой номер? Конечно, помню - 4374. От одеж-
ды остались лохмотья. На брюках,
пилотках, гимнастерках большими
красными буквами по-латыни на-
писано «SU».

Потом был лагерь в г. Мозбур-
ге под Мюнхеном. В одной
его части, отделенной от нашей 3
рядами колючей проволоки, нахо-
дились французы, сербы, англичане.
Им помогал «Красный крест»,
они получали посылки из дома.
Советские пленные решили про-
браться к соседям.

Поздно вечером проползли под
проволокой, но прожекторы выс-
ветили, немцы начали стрелять.
Мы бросились в бараки к французам.
Охранники натравили на нас
овчарок.

Французы спрятали меня под
нарами. В карманах моих уже были
галеты, печенье, сигареты. Да,
трудно поверить, что все это име-
ли военнопленные французы, у них

от голода, болезней. Самых ослаб-
ленных отправляли в «туберкулез-
ные» бараки. Там выдавали по 300
граммов хлеба да один раз в сутки
банду. Всех кормили той же су-
репкой, которую собирали женщи-
ны, угнанные на работу в Германию.
Прямо с землей эту траву бросали
в котлы. В мисках всегда оставалось
ложек по пятаку песка на дне. Стебли
мы съедали.

Смерть преследовала всюду: хо-
дила за нами под землей и на ее
поверхности. И тогда мы стали себя
калечить. Отсекали пальцы, увечи-
ли ноги.

Был у меня товарищ по фамилии
Щербаков, племянник члена Политбюро.
Сначала он положил руку под
роштак - отрезало палец. Забрали
в лагерь, где была санчасть. Через
месяц он снова в шахте. Второй па-
лец на этой руке отрезал таким же
образом. Опять санчасть. Пред-
ставь, что он все пять пальцев спе-
циально отрезал, чтобы остаться в

женщин-узиц, построили в ко-
лонну и повели на восток. По до-
роге убивали тех, кто пытался на
поле разгрести бурт, где храни-
лись овощи. Голодные, больные,
многие не могли идти. Их рас-
стреливали. Нас гнали к Зоесту,
но оттуда уже двигались амери-
канские танки. Немцы стреляли,
а мы разбегались. Через несколь-
ко часов американские войска
освободили Зоест. Мы потяну-
лись к городу.

Вдоль дороги стояли патруль-
ные и плакали, глядя на нас. Все,
что было у них из съестного, от-
дали. А потом впервые за годы
плена мы ели человеческую
пищу: мясо, кашу с маслом, кол-
басу и даже шоколад. Такого мно-
гие в Союзе не видели. Через ме-
сяц нас передали англичанам в г.
Патерборн. Это там во время вой-
ны изгтавливались немецкие
«тигры».

Потом представители совет-
ской военной миссии про-
веряли нас. А ведь некоторые из
бывших пленных так и не верну-
лись на родину: уехали в Соеди-
ненные Штаты или Великобританию.
Почему я не уехал туда? А
родина зачем? Здесь меня ждала
семья, близкие. Я ведь и домой по-
пал не сразу. Был в Гольдберге, где
нам выдали советскую солдатскую
форму, а потом отправили дослужи-
вать в армии. Служил еще полтора
года в Германии, в городе Гревесмю-
лен (не знаю, ввучек, правильно ли
называю город, столько времени
прошло). И только в сентябре 1946
года поехал на родину. Ехал на лоша-
дах через Польшу. Мы гнали 4 тыся-
чи лошадей из Германии.

Демобилизовался уже из Волко-
выска...

Вот такая она была, моя моло-
дость... И не заметил, когда она
началась и когда закончилась.. Горь-
кий ветер ее унес...

Я слушал дедушку и думал: «Как
же надо жить, бороться, страдать и
верить, чтобы в книге «Память» за-
служить отдельную строку. «Кавалеу
Иван Микитавич, н.у 1919».

Недавно я сказал, что хочу напи-
сать о нем. Он сразу запротестовал:
«Я не был героем, не надо обо мне и
писать. Ничего героического я не
совершил в плену, даже не пытался
бежать... Стыдно быть пленным...»

Он еще долго со мной спорил, а я
смотрел на него и думал о себе, о
дедушке, о нашей семье, маме, дя-
дях, которых Иван Никитевич после
смерти жены поставил на ноги.
Все получили хорошее образование,
стали замечательными людьми. Мы
все обязаны ему жизнью. Он страдал
так долго за каждого из нас. Не будь
дедушки - не было бы и меня.

Говорят, мужчина должен постро-
ить дом, вырастить сына, посадить
дерево. Дедушка построил несколь-

Горький

(из жизни)

слухи - провокация. А дыхание вой-
ны чувствовалось во всем: тревож-
ных взглядах людей, напряженной
атмосфере разговоров... И все же
она, как и любая беда, пришла
неожиданно.

О войне мы узнали по радио.
Срочно погрузили боеприпасы и
колонной двинулись на запад. Нас
бомбили беспорядочно. Наверное.

по фильмам ты представляешь, что
такое бомбежка. А 25 июня в 3 часа
утра вступили в бой под Лидой.
Двух немцев даже удалось взять в
плен. Они говорили, что по плану их
войска должны были 25 июня быть
в Минске, но встретили сопротивление.
Нам удалось задержать немцев
почти на пятеро суток. Боепри-
пасы, к несчастью, закончились, а
машины, отправленные за патронами
и снарядами, так и не вернулись
ни из Минска, ни из Молодечно.
Комдив Галицкий дал приказ к от-
ступлению. Шли ночью. С рассвета
и до заката над нами летали немец-
кие самолеты, сбрасывали листовки,
в которых говорилось, чтобы
сдавались, убивали коммунистов и
евреев. Что испытывали? Досаду,
горечь... Почти ни у кого не оста-
лось патронов.

Глухие лесные дороги вывели к
Дзержинску. Обессилевшие, голодные,
расположились на опушке
леса. Тут-то я и увидел немецкого
мотоциклиста-разведчика, кото-
рый остановился на шоссе, достал
планшет и стал рассматривать кар-

реть друг другу в глаза. Десятого
июля мы видели, как под конвоем
вели нашего командира полка Па-
сюкова и комдива Галицкого.

Некоторые солдаты (это мне
врезалось в память) были в
нижнем белье, потому что попали
в плен в первый день войны, на-
верное, вступили в бой на грани-
це, не успели одеться.

Чем кормили? Один раз в сутки
бандой из вареной подсоленной
травы. Разливали, как скотине. По
пол-литра в банки, жестянки, ко-
телки. Многих тошнило, болели
животы. Но боль души ни с какой
болью нельзя было сравнить.

Из Дзержинска нас отправили в
закрытых вагонах (по 80-100 чело-
век в каждом) в Польшу. Духота,
вонь, не хватало воздуха... Неко-
торые скончались по дороге.

В Освенциме рядом с концлаге-
рем, о котором сегодня знает весь
мир, был лагерь для военноплен-
ных. От лагеря смерти нас отделе-
ла колючая проволока. Метрах в
20-30 был крематорий. Там сжи-
гали людей, и мы об этом знали.
Их водили группами. Вдоль доро-
ги к смерти стояли немцы с овчар-
ками. И жутко было смотреть на
тихо идущих стариков, женщин,
детей. Почему они не кричали?
Наверное, знали, что их ничто уже
не спасет, и старались достойно
встретить смерть.

Из трубы выползал черный
смазливый дым. Немцы называли

даже были приемники.

Конечно же, меня нашли, но в
бараке бить не стали, а завели че-
рез ворота на территорию нашего
лагеря и уже там издевались: сна-
чала прикладами, а потом ствола-
ми винтовок. До полусмерти избил.
Неделю не мог держать в руках
ложку, пил банду прямо из
миски».

дедушка тяжело вздохнул. Лицо
потемнело, осунулось. Мне тоже
стало не по себе, я обнял его за
плечи. Помолчали.

«Наконец и мне повезло. 20 че-
ловек пленных отправили рабо-
тать на канал. Там же и жили мы в
бараках, иногда даже ели хлеб.
Рабочая команда наша была ин-
тернациональной: белорусы, рус-
ские, украинцы, монгол, еврей...
Еврей из Костюковичского райо-
на, звали Володя Ковалев. Геста-
повцы догадывались о его нацио-
нальности. Поиздевались, а потом
отправили в концлагерь. Туда же
увезли пытавшегося бежать по-
литрука. Всего штучками исколо-
ли».

Дедушка надолго замолчал. А
когда я спросил, остались ли
светлые воспоминания, он утвер-
дительно закатил головой:

«Все пленные помогали друг
другу, как братья. Охранников
было трое. Любили мы чеха Валь-
та. Он учителем был до войны.
Всегда отдавал нам свои две си-

ветер

обреченного на смерть

живых. До сих пор вижу перед со-
бой его руку без кисти. Вот так, вчу-
чек, мы пытались выжить.

Решил и я «расправиться» со
своей ногой. 85-килограммо-
вый штемпель поднял и бросил на
ногу - раздробило большой палец,
кости на ступне были в трещинах. А
я радовался! Впереди два месяца
жизни в бараке для выздоравлива-

ющих. Это было трехэтажное зда-
ние, а рядом находились деревян-
ные бараки, так называемые «ту-
беркулезники», где лежали обрече-
нные.

Вот из третьего этажа я видел та-
кое, что никогда не пожелаю даже
врагу своему увидеть?»

Я весь напрягся. Столько ужасно-
го дедушка рассказал: что может
быть страшнее?

«Ваня, ты знаешь о картинах на-
шего художника Михаила Савицко-
го «Цифры на сердце»? Нет? Вот
когда их увидишь, возможно,
вспомнишь и мой рассказ...»

Почти каждое утро из деревян-
ных зданий выносили тела
людей. Это были настоящие скеле-
ты. Некоторые подавали признаки
жизни, шевелили конечностями, гу-
бами, о чем-то просили. Но их вме-
сте с мертвыми грузили на тележки
и везли к яме. Она была неподале-
ку.

Вот такая она была, моя моло-
дость... И не заметил, когда она
началась и когда закончилась.. Горь-
кий ветер ее унес...

Я слушал дедушку и думал: «Как
же надо жить, бороться, страдать и
верить, чтобы в книге «Память» за-
служить отдельную строку. «Кавалеу
Иван Микитавич, н.у 1919».

Недавно я сказал, что хочу напи-
сать о нем. Он сразу запротестовал:
«Я не был героем, не надо обо мне и
писать. Ничего героического я не
совершил в плену, даже не пытался
бежать... Стыдно быть пленным...»

Он еще долго со мной спорил, а я
смотрел на него и думал о себе, о
дедушке, о нашей семье, маме, дя-
дях, которых Иван Никитевич после
смерти жены поставил на ноги.
Все получили хорошее образование,
стали замечательными людьми. Мы
все обязаны ему жизнью. Он страдал
так долго за каждого из нас. Не будь
дедушки - не было бы и меня.

Говорят, мужчина должен постро-
ить дом, вырастить сына, посадить
дерево. Дедушка построил несколь-

Только года через два, летом, когда мы пасли с ним коров, он вдруг, посмотрев вокруг, заговорил сам:

«Вот по такой балке мы отступали ночью ровно 60 лет назад... А было мне тогда двадцать два года».

Я всегда поражался цепкой памяти моего деда, но этот рассказ, насыщенный датами, цифрами, фактами, именами и вовсе привел меня в изумление, иногда даже повергал в шок. Я слушал дедушку и видел перед собой Андрея Соколова из «Судьбы человека», героев Константина Воробьева, Василия Быкова. Видел тех,

Он чувствовал себя настоящим хозяином нашей земли! Это меня взбесило, и свой последний патрон я вложил в винтовку. Стрелял я метко, немец не успел и крикнуть. Ребята хотели выбежать на шоссе, забрать карту, но заметили приближающуюся автоколонну. Немцы уже выпрыгивали из машин, выстраивались цепью. Началась прочистка леса, слышались выкрики на немецком.

Я был среди двенадцати счастливиц, которым удалось перебежать шоссе чуть дальше колонны и скрыться в лесу. Из пулеметов стреляли транссирующими пулями.

Последнее сражение было 7 - 8

Июля под Марьиной Горкой,

крематорий страшным словом, которое по-русски звучало жутко - «салотопка».

Нас вели для размещения в обший лагерь, и какое-то время мы видели эту ужасающую картину, название которой «Лагерь смерти Освенцим».

№ 307. Это уже лагерь для военнопленных. Все та же колючая проволока, та же вареная брюква, шпинат, сурепка. «Живая цепь» - это когда пленные все время двигались, стараясь согреться. Умерших мы закапывали здесь же.

В конце лета нас перевели в 304-ый лагерь, который находился под Берлином. Каждому выдали металлические номера. Отны-

не гареты, которые положены ему, как охраннику, а сам набивал в трубку сухих листьев - курил. «Если я попаду на восточный фронт, то воевать не буду, сдамся в плен», - говорил он. И мы ему верили. Часто хлебом с нами делился, даже тайком рассказывал о событиях на фронте. Не знаю, остался ли жив, но на фронт его все же отправили».

Мне захотелось написать об этом чехе на передачу «Жди меня»: возможно, живет еще где-то милосердный старенький чех по имени Вальт.

«А в марте 43-го мы уже работали в шахтах Рурского бассейна. Страшно вспоминать об этом. По 12-14 часов под землей. Умирили

тела. Десятки тел. Закрывали чем-то вроде брезента. И еще долго-долго под ним...»

Дедушке не хватало воздуха. Я уже не мог слушать, мне стало плохо. Помню, что плакал навзрыд. А когда я успокоился, дед все же закончил рассказ.

«Когда яму наполняли, ее закапывали и готовили новую... Ты представляешь, сколько там людей похоронено?... После трех месяцев передышки снова была шахта. Некоторые военнопленные били по своим ногам железными прутьями, чтобы конечности опухли, лишь бы вырваться из подземелья.

Но освобождение пришло только в апреле 1945 года. Всех нас, примерно тысяч 25 военнопленных и

ко домов, вырастил четверых детей, посадил не один сад. Ему уже 85 лет, а работать начал с 13-ти. И сколько жизнь ни ломала, ни била, он всегда оставался и остается человеком скромным, тихим, добрым, честным, порядочным и любящим. Его всегда и везде ставят в пример. Я очень люблю дедушку, в честь которого называли меня Иваном.

Все мы гордимся Иваном Никитичем, в судьбе которого, как в зеркале, отразилась судьба сотен тысяч тех, для кого война стала трагедией на многие годы.

Но горький ее ветер не потушил пламени добра, которым до краев наполнено сердце солдата.

Иван Ходос.

Ходос, И. Горький ветер (из жизни обречённого на смерть) : [о Ковалёве Иване Никитиче, бывшем узнике фашистских концлагерей]/ Иван Ходос // Шлях Кастрычніка. — 2004.— 23 чэрвеня.— С.2.